* * *

1. Karasik V.I. O tipah diskursa // Jazykovaja lichnost': institucional'nyj i personal'nyj diskurs: sb. nauch. tr. Volgograd, 2000. S. 5–20.

2. Shlahter V.V. Akmeologicheskie i psihopedagogicheskie aspekty meditacii kak metoda samovospitanija lichnosti: dis. … kand. psihol. nauk. Sankt-Peterburg, 1998. 210 s.

Typology of the chronotop and participants of the meditative discourse

There is considered the meditation in the theory of discourse. There are characterized the following criteria: chronotop, participants of the discourse, intention, perception channels. There is determined the place of the meditative discourse in the typology of discourse: personal – existential. There is marked out and described the specificity of chronotop (length and place of meditation) and the participants of the meditative discourse (real: master of meditation and the meditating/unreal).

Key words: *discourse, chronotop, participants of discourse, intention, meditation.*

(Статья поступила в редакцию 07.10.2015)

Е.Э. ПЧЕЛИНЦЕВА
(Черкассы, Украина – Санкт-Петербург)

ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТАТУС И АСПЕКТУАЛЬНОСТЬ ОТГЛАГОЛЬНЫХ ИМЕН ДЕЙСТВИЯ В УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ (на фоне русского и польского языков)

Рассматриваются проблемные вопросы грамматического статуса отглагольных имен действия в украинском языке на фоне русского и польского языков; исследуется степень сохранения аспектуальных признаков у этой категории слов по материалам словарей и корпусов. Установлено, что украинские имена действия довольно регулярно проявляют в речи аспектуальные признаки, а степень их сохранения больше, чем в русском, но меньше, чем в польском языке.

Ключевые слова: *отглагольное имя действия, украинский язык, аспектуальная семантика.*

Отглагольное имя действия в славянских языках является чрезвычайно интересным объектом лингвистического анализа, поскольку, с одной стороны, специфическим образом сочетает в себе глагольные и именные свойства, проявляя общеславянские особенности, а с другой – в каждом языке демонстрирует собственную специфику, поскольку степень глагольности этой категории слов увеличивается в славянских языках «с востока на запад». В данной статье рассматривается степень сохранения глагольных признаков в украинских именах действия на фоне польских и русских отглагольных дериватов.

Выбор названных языков не случаен. В самом общем виде разницу между девербативами в исследуемых языках можно сформулировать следующим образом. В русском языке образование имен действия, во-первых, нерегулярно, во-вторых, сопровождается утратой важных семантических компонентов. Русские отглагольные существительные практически утратили формальные видовые показатели и, как следствие, функциональную дифференциацию по виду. Из 5500 русских отглагольных имен* только 414, по нашим подсчетам, сохранили формальные коррелятивные видовые пары типа *накапливание / накопление,* при этом в речи такая дифференциация – большая редкость и является скорее исключением (см. об этом подробнее: [12]).

Польские имена действия сохраняют большую часть глагольных признаков и гораздо более частотны в речи, чем соответствующие образования не только в русском, но и в украинском языках. В польском языке большинство глаголов могут быть номинализованы (в нашей сплошной словарной выборке насчитывается 12500 имен действия без учета видовых и залоговых форм), при этом сохраняется бóльшая часть их категориальных значений: вид, залог, возвратность, основное управление, способность иметь обстоятельства. Более того, в толковых словарях польского языка отглагольное имя действия традиционно включается в глагольную парадигму (см.: [11]).

В украинском языке девербативы более «глагольны», чем в русском, образуются и употребляются значительно регулярнее. В нашей картотеке – около 8 500 таких единиц. На-

* Материал для исследования получен методом сплошной выборки украинских отглагольных имен действия из «Словника української мови» [19]. Корпус русских имен действия составлен на основе «Словаря современного русского литературного языка» [18]. Польские девербативы выбраны из словаря “Uniwersalny słownik języka polskiego” [21]. Источник примеров текстовых употреблений украинских имен действия – «Корпус текстів української мови» [5].

© Пчелинцева Е.Э., 2015

блюдения над функционированием отглагольных имен в современном украиноязычном пространстве показывают, что многие носители языка избирательно относятся к их формам. Например, из пары ***вивергання*** – ***виверження*** ‘извержение’ (от ***вивергати*** (НСВ) – ***вивергнути*** (СВ)) диктор украинского телеканала НТН выбирает для обозначения процесса именно тот, который образован от глагола НСВ:

(1) *У Перу почалося* ***вивергання*** *вулкану, який спав 4 роки* (НТН «Svidok.com» 05.09.13, 16-30). – В Перу началось извержение вулкана, который спал 4 года.

Это может свидетельствовать, в частности, о том, что украинские имена действия содержат больше «глагольности» и, соответственно, «внутреннего времени» (аспектуальности), чем, например, русские девербативы, и что носители языка ощущают действительные аспектуальные различия имен действия. Если русские отглагольные имена в целом тяготеют к субстантивности, а польские, скорее, к глагольности, то украинское имя действия занимает промежуточное положение между ними.

Образование отглагольных имен действия в украинском языке имеет ту же общеславянскую основу, что и в русском и польском языках: это выражается в преобладании модели на -*нн*(я) / -тт(я), которая соответствует русской на -*нuj(e)* / -*mu(e)* и польской на -*ni*(*e*) / -*ci*(*e*), а также в распространенности модели с нулевым суффиксом [1]. Своеобразие заключается, прежде всего, в регулярности образования девербативов от обоих членов видовых пар, в количественном распределении моделей (в частности, в непродуктивности модели на -к(а)), а также в наличии ряда уникальных именных суффиксов.

Грамматический статус украинских имен действия – предмет дискуссий в научной литературе и – косвенно – в лексикографической практике. Даже простой обзор принципов подачи имен действия в переводных и толковых словарях украинского языка нескольких последних десятилетий демонстрирует существенные расхождения в их интерпретации. Например, в ряде русско-украинских словарей почти каждое русское отглагольное имя переводится как минимум одной парой украинских, при этом украинские имена действия на -*ння,* как правило, сопровождаются уточнением, что они обозначают неоконченное действие: «**изменение** зміна; (*неоконч. д. – еще*) змінювання, змінення» [15, с. 584].

Если обратиться к украинско-русским словарям, то обнаружится, что эти тонкости значений утрачены: *змінювання* и *змінення* переводятся только общими *изменение: видоизменение,* без каких-либо уточнений или указаний на их глагольные признаки процессуальности, длительности или результативности, а словарная статья к отглагольному имени *зміна* отличается расширенным лексическим толкованием, но при этом также без указания на грамматическую семантику, см., напр.: [4, с. 242].

В академическом 11-томном словаре украинского языка отглагольным именам действия даются отдельные четкие толкования:

ЗМІНЕННЯ. Дія за знач. змінити. 1–3.

ЗМІНЮВАННЯ. Дія за знач. Змінювати.

ЗМІНА. Перехід, перетворення чого-небудь у щось якісно інше <…> [19, т. 3, с. 622].

В то же время «Толковый словарь украинского языка» [10] (объем 200 тыс. слов), составленный на основе академического 11-томного словаря украинского языка, вообще – за редким исключением – не включает имена действия на -*ння* в состав словника. Например, в нем отсутствуют *змінювання, змінення* и под., но содержится *зміна,* которое в первом значении толкуется так: *1. Змінювання, перехід, перетворення чогось у щось якісно інше…* [Там же, т. 1, с. 768]. Судя по первому слову толкования, значение слова *зміна* должно быть прежде всего процессуальным, что противоречит языковой практике, поскольку этот девербатив употребляется, в первую очередь, в результативном или опредмеченном значении. В предисловии авторы формулируют основной принцип составления словаря как «толкование основного слова синонимами, которые определяют его тончайшие значения»* [Там же, с. 7]. Отсутствие в этом словаре вокабул *змінювання, змінення* (и подобных им) может объясняться двумя причинами: либо 1) авторы словаря считают их не отдельными лексемами, а только формами глагола (следуя польской лексикографической практике), и в таком случае имя действия получает парадигматический статус, либо 2) эти лексемы считаются невостребованными в современном языке, что легко опровергается обращением даже к небольшому Корпусу текстов украинского языка. Таким образом, толковые и переводные словари украинского языка непоследовательно отображают аспектуальные оттенки значе-

* Здесь и далее перевод текстов и толкований с украинского языка мой (*Е.П.*).

ний имен действия, а иногда не отображают их вовсе или же допускают неточности.

В большинстве научных работ, посвященных грамматической системе украинского языка, эта категория слов обычно рассматривается как разновидность производных имен существительных в разделе «Словообразование» [16, с. 176–178; 1, с. 55–60]*, упоминается в составе лексико-грамматического разряда абстрактных существительных [2, с. 51; 18, с. 7–8, с. 217], а также всегда является объектом описания в разделах о частеречной транспозиции [2, с. 116].

При транспозиции глагола в имя украинское имя действия приобретает именные категории рода и падежа. Категория числа присутствует в несколько редуцированном виде: ряд отглагольных имен имеет только грамматическую форму множественного числа (как в *посиденьки* ‘посиделки’, *оглядини* ‘смотрины’, *лютощі* ‘лютование’), другие имеют только форму единственного числа (*боротьба* ‘борьба’, *прискорення* ‘ускорение’), третьи могут употребляться в форме как единственного, так и множественного числа (*перебіжка* / *перебіжки* ‘перебежка / перебежки’, *видих* / *видихи* ‘выдох / выдохи’).

Глагольные категории времени, наклонения, залога** и лица украинское имя действия практически полностью утрачивает. Категория переходности / непереходности, реализующаяся в особенностях глагольного управления, в девербативах специфически модифицируется. Имена действия, образованные от переходных глаголов, управляют, как и в русском, зависимым существительным в родительном падеже (*читати книгу → читання книги; досліджувати атмосферу → дослідження атмосфери*). В остальных случаях падеж зависимого существительного остается неизменным (*плавати каналами → плавання каналами* ‘плавание по каналам’; *турбуватися про матір – турбота про матір* ‘забота о матери’). Интересно, что в некоторых случаях переходность / непереходность мотивирующего глагола реализуется в параллельных формах имен действия:

омертвіти ‘омертветь’ → *омертвіння; омертвити* ‘омертвить’ → *омертвлення;*

молодіти ‘молодеть’ → *молодіння; – омолодити* ‘омолаживать’ → *омолодження;*

гнити ‘гнить’ → *гниття; гноїти* ‘гноить’ → → *гноїння;*

побільшати ‘увеличиться’ → *побільшання*; *побільшити* ‘увеличить’ → *побільшення.*

Возвратность мотивирующих глаголов теряет свои формальные показатели: постфикс *-ся* в украинских девербативах (в отличие от польских) не сохраняется; как правило, обе глагольные формы (возвратная и невозвратная) соотносятся с одним и тем же именем действия, например: «*миття* – дія за значенням *мити і митися*» [19].

Многие ученые отмечают, что украинское отглагольное имя действия сохраняет «в несколько модифицированном виде категорию вида» [2, с. 116]. О сохранении в семантической стуктуре имен действия если не категории, то грамматического значения вида речь идет в исследованиях [14; 2]. Но есть и противоположная точка зрения: «Отглагольные имена существительные (авторы пишут об украинских и русских именах действия одновременно. – *Е.П.*) не входят в систему форм глагола, и видовая оппозиция в кругу дериватов не сохраняется» [1, с. 349], хотя в той же работе отмечается, что украинские девербативы «более последовательны в сохранении корреляции, отсылающей их к исходным видовым основам» [Там же, с. 349]. Такая же двойственность в подходе к видовым семантико-грамматическим особенностям отглагольных имен характерна и для других работ. По мнению И. Выхованца и К. Городенской, глагольная категория вида – единственная из собственно-глагольных категорий, которая может транспонироваться в существительное, прилагательное и наречие [2, с. 224]. Однако в описании грамматических категорий имени существительного в этой же фундаментальной работе категория вида не упоминается [Там же, с. 53–99].

Дискуссионный вопрос о парадигматическом / непарадигматическом статусе украинских отглагольных имен на фоне других славянских языков обсуждается в [8]. И. Марван внимательно анализирует расхождения в трактовке отглагольных имен действия в украинских толковых и переводных словарях и грамматиках, обнаруживая любопытные детали: девербативы типа *спрямовування, пересовування* и под., соотносительные с глаголами НСВ, активно используются в качестве эквивалентов

* См. критику этого подхода в [8, с. 3].

** О. Синявский обращает особое внимание на функциональную значимость залоговой семантики: «Точно так же следует различать и нельзя употреблять одно вместо другого, отглагольные имена с близким значением и звучанием, но не равнозначные, например: *ширення* (от ширити) и *ширшання* от ширшати)» [17, с. 76–77]. Интересные наблюдения над этими тонкими семантическими различиями находим у А. Крымского [5, с. 7].

русских имен действия в «Русско-украинском словаре» (1981), но при этом отсутствуют в академическом Словаре украинского языка в 11 томах [19]. Самым логичным объяснением этого факта может быть то, что такие формы являются не единицами словаря, а только частью парадигмы соответствующего глагола. По мнению ученого, при наличии потенциала и регулярности образования такие единицы должны рассматриваться как часть украинской глагольной парадигмы, а не как отдельная лексическая единица. Однако создание специфической украинской лингвистической модели должно опираться на комплексное и сбалансированное исследование реальной языковой ситуации, широкий анализ текстов, анкетирование и опросы [8, с. 6–7].

Все сказанное указывает на гибридный, смешанный, переходный характер этой категории слов, однако оснований относить украинское имя действия к регулярным глагольным формам пока недостаточно.

Следует отметить, что довольно регулярное образование существительных типа *відкорковування – відкоркування* ‘открывание (бутылки)’ от обоих членов глагольных видовых пар давно привлекало внимание исследователей. Особенно много интересных наблюдений по этому поводу было сделано в период «Украинского Возрождения» – в 20–30-е гг. XX в. Так, О. Синявский в «Пораднику української мови» (1922) пишет: «Совершенность и несовершенность глаголов остается и в отглагольных существительных, и нужно употреблять их по требованию самой мысли – ту или иную из двух возможных форм», – приводя ряд соответствующих примеров: *зберегти – збереження; зберігати – зберігання; зникнути – зникнення*; *зникати – зникання*» [17, с. 76–77]. Очень симптоматично в этом контексте, что в книге талантливой исследовательницы украинского языка Е. Курило, написанной в тот же период, для обозначения отглагольных имен действия используются выражения: *дієслівні речівники і недоконаного і доконаного значіння* – ‘глагольные существительные несовершенного и совершенного значения’ [7]. Е. Курило предлагает следующее объяснение различий между украинскими и русскими отглагольными именами: украинские отглагольные существительные на *-ння*, *-ття* образуются от соответствующих пассивных причастий прошедшего времени на *-ний*, *-тий*. Русский язык образует префиксальные пассивные причастия прошедшего времени только от глаголов СВ (*осужденный, приобщенный*, *исследованный*, *примененный*), а соответствующие глаголы несовершенного вида могут иметь пассивные причастия только настоящего времени (*осуждаемый, приобщаемый*, *исследуемый*, *применяемый*). Образованные в своем большинстве от глаголов СВ, русские отглагольные существительные расширили свое значение, и такими отглагольными существительными, как *исследование, познание,* покрываются соответствующие украинские отглагольные существительные и несовершенного, и совершенного «значения»: *досліджування и дослідження, пізнавання і пізнання* [Там же, с. 65–66].

О сохранении видовой семантики в украинских девербативах пишет М.Ф. Наконечный: «Отглагольные существительные на *-ння*, *-ття* свободно образуются от глаголов совершенного и несовершенного вида, сохраняя тесную смысловую связь с глаголом. Поэтому они образуют, как правило, соотносительные по виду пары, как и те глаголы, от которых они образованы» [8, с. 61]. Ученый приводит множество примеров из классической литературы, иллюстрируя функциональные семантические различия парных имен действия, таких, как *ознайомлювання – ознайомлення* ‘ознакомление’, анализирует и обоснованно критикует случаи неудачных словарных дефиниций и переводов на русский язык, не учитывающих их аспектуальную семантику.

Г.М. Ращинская, сравнивая русские и украинские отглагольные имена, пишет, что украинские девербативы сохраняют видовые значения или оттенки совершенности и несовершенности, хотя и выражают их не так четко, как исходные глаголы. Особенно важно, что «между коррелятивными видовыми формами существительных на *-ння*, *-ття* нет лексико-семантических расхождений <…> разные значения, как правило, выражаются существительными разных словообразовательных структур» [13, с. 16].

Во многих современных работах, посвященных проблемам украинской терминологии, идет речь о том, что семантическая дифференциация отглагольных имен действия, образованных от глаголов СВ и образованных от глаголов НСВ, должна приобрести, по сути, терминологический статус. Об этом, в частности, пишет во многих своих работах украинский терминолог М.Д. Гинзбург: «…отглагольные существительные НСВ необходимо употреблять в случаях, когда нужно указать на протекание процесса, а не на его результат.

<…> Отглагольные существительные СВ следует употреблять, когда идет речь о событии, то есть полностью завершенном процессе или законченном этапе этого процесса, который характеризуется как результат, достигнутый в конечной точке» [3, с. 9].

Материал для нашего исследования украинских имен действия получен в результате сплошной выборки из 11-томного академического словаря украинского языка «Словник української мови» [19] как наиболее сбалансированного лексикографического источника. В предисловии к нему указывается, что отглагольные имена среднего рода на *ння / -ття* включены ограниченно, в зависимости от степени распространенности, определяемой материалами лексической картотеки [Там же, т. 1, с. VII]. Поэтому можно рассчитывать на то, что в словаре нет искусственных или давно вышедших из употребления отглагольных имен. Но в нем нет и многих форм, получивших распространение в последние десятилетия. Поэтому мы привлекаем материалы и других толковых словарей, а также формы, обнаруженные в художественных и публицистических текстах, в речи дикторов на радио и телевидении, а также в сети Интернет (с указанием источника).

Употребление имен действия исследовалось, прежде всего, на основе данных Корпуса текстов украинского языка, а также примеров из произведений украинской художественной литературы, публицистики и различных украиноязычных интернет-источников. Этапы анализа: 1) сплошная выборка имен действия; 2) систематизация полученного материала по словообразовательной модели, соотнесенности с глаголами СВ и НСВ, наличию / отсутствию парного имени действия, а также параллельного образования с другими суффиксами; 3) изучение функционально-аспектуальных свойств имен действия различных типов по материалам корпуса и другим источникам; 4) выборка глаголов определенных способов действия; 5) выборка образованных от них отглагольных имен со значением действия; 6) установление словообразовательных лакун; 7) проверка обнаруженных в словаре имен действия на способность выражать интересующее аспектуальное значение по корпусу и другим источникам (с учетом многозначности / однозначности).

Следует отметить, что в русском языке такие пары крайне редко дифференцируются по аспектуальным признакам. Обычно они расходятся в лексических значениях, либо один из членов пары принимает на себя все функции, а второй практически выходит из употребления (см. об этом подробнее [13]). Мы предприняли аналогичный анализ украинских префиксальных пар. Обнаружилось, что ряд таких имен (*бажання* ‘желание’ – *побажання* ‘пожелание’, *бачення* ‘видение’ – *побачення* ‘свидание’) разошлись в лексическом значении или изначально были образованы от разных глаголов, как в следующем примере: *побуріння* (от *побуріти* ‘побуреть, стать бурым’) – *буріння* (от бурити 1. *‘бурить (скважину)’*(...)). Но большинство префиксальных пар в большей или меньшей степени сохраняет лексическую коррелятивность. Из-за ограниченности объема корпуса украинских текстов (13 млн словоформ) соотношение употребительности членов таких пар удалось установить далеко не для всех имен действия. В случае отсутствия интересующей нас формы в корпусе мы искали примеры употребления в Интернете, пользуясь поисковой системой “Google”, а также в собственной картотеке. В каждом случае мы анализировали контекстуальную аспектуальную семантику имени действия.

В тех префиксальных парах, употребления которых в корпусе фиксируются, мы выявили следующую закономерность: в большинстве пар значительно более употребительными оказались имена действия, образованные от беспрефиксных имперфективных глаголов. Ср. количество вхождений: *читання* ‘чтение’ / *прочитання* ‘прочтение’ – более 500 : 144; *будування / побудування (побудовання)* ‘построение’ – 52 : 4, *фальшування / сфальшування* ‘фальсифицирование’ – 49 : 1; *фарбування / пофарбування* ‘покраска’ – 35 : 3 (из них 2 вхождения с предметным значением), *руйнування / зруйнування* ‘разрушение’ – 677 : 57 вхождений, *малювання – змалювання* ‘рисование’ 154 : 20 [5].

Выборочно проанализировав контекстуальную аспектуальную семантику таких парных имен, мы обнаружили, что менее употребительные «перфективные» префиксальные девербативы используются в основном в перфективных значениях. Например, существительное *зруйнування* из 57 вхождений только в 5 случаях реализует процессуальное значение (пример (2) на с. 146; далее номера примеров даны в скобках), в остальных случаях – явно результативное, целостное (3, 4), что легко определяется по контексту, в частности по конструкциям *після зруйнування* (и синонимичными ему *по зруйнуванню, із зруйнуванням*) (14 вхождений), сочетаниями со

специфическими определениями *остаточне* ‘окончательное’, *неминуче* ‘неминуемое’, *випадкове* ‘случайное’, *несподіване* ‘неожиданное’, *зруйнування* (6 вхождений), целевыми конструкциями (9 вхождений) и т.п. За единичными исключениями, как в (2), их употребление соответствует виду мотивирующего глагола, типичные примеры – (3) и (4).

(2) *Під час* ***зруйнування*** *Запорозької Січі, в ній було аж четверо братів Рогозяних* (А. Кащенко. Руйноване гніздо). – Во время **разрушения** Запорожской Сечи в ней было аж четверо братьев Рогозяных.

(3) *Причарувала вона Демка Рогозу ще по весні, до* ***зруйнування*** Січі (А. Кащенко. Руйноване гніздо). – Приворожила она Демка Рогозу еще по весне, до **разрушения** Сечи.

(4) *Бо змови, угоди і квоти – це шлях до остаточного* ***зруйнування*** *країни.* (В. Литвин. Віче). – Потому что заговоры, соглашения и квоты – это путь к окончательному **разрушению** страны.

Аналогично ведут себя имена действия в парах *читання* ‘чтение’ / *прочитання* ‘прочтение’, *будування* ‘стройка’ / *побудування* ‘построение’, *фарбування / пофарбування* ‘покраска‘, *фальшування / сфальшування* ‘фальсифицирование’ и т.п.: беспрефиксные члены пар более универсальны, выражают как процессуальное (5), так и результативное значение (6), а также употребляются для обозначения целых событий (7).

(5) *Працюючи в полі, Аліпій мав таке ж задоволення, як і від читання книжок* (Б. Бойчук. Аліпій і його наречена). – Работая в поле, Алипий получал такое же удовольствие, как и от чтения книг.

(6) *...ваші покази, дані після читання прокурором обвинувального висновку, сприйматимуться як відбріхування* (О. Вахній. Від дзвоника до дзвоника). – Ваши показания, данные после прочтения прокурором обвинительного приговора, будут восприниматься как отговорки.

(7) *... у жвавих дискусіях після літературних читань Інна участі не брала, почувалась до цього не готовою* (О. Гончар. Берег любові). – В оживленных дискуссиях после литературных чтений Инна не принимала участия, чувствовала себя не готовой к этому.

Префиксальные имена действия типа *прочитання* в основном выражают результативные значения СВ, например в сочетаниях *після прочитання, по прочитанні, від часу прочитання* – около 130 вхождений (8), в имперфективных значениях мы обнаружили всего 14 употреблений имени действия *прочитання,* см. (9):

(8) *Після* ***прочитання*** *герої продовжували жити й діяти у Лесиковій фантазії* (В. Нестайко. Дивовижні події в шостому «Б»). – После **прочтения** герои продолжали жить и действовать в Лесиковой фантазии*.

(9) *Читав його зі смутком, а моя дружина при* ***прочитанні*** *– сміялася* (Високий замок. 17.02.2011). – Читал его с печалью, а моя жена, **читая,** смеялась.

Некоторые пары явно выпадают из общей закономерности, как, например, *рятування / врятування* ‘спасание / спасение’ – 67 : 88, но при этом анализ их контекстуальной семантики обнаруживает регулярные аспектуальные предпочтения: они употребляются преимущественно в соответствии с видом мотивирующего глагола:

(10) *А той вже був зайнятий* ***рятуванням*** *капітана та його команди і не мав багато часу на розмови з Андрієм* (В. Стецюк. По великій воді). – А тот уже был занят **спасением** капитана и его команды, и у него не было времени на разговоры с Андреем.

(11) *Марко попросив командира, щоб «Розвідувач риби» полетів на маяк і дав звістку батькові про* ***врятування*** *сина* (М. Трублаїні. Плями на воді: Шхуна «Колумб»). – Марко попросил командира, чтобы «Разведчик рыбы» полетел на маяк и передал отцу известие о **спасении** сына.

Это означает, что украинские отглагольные имена действия, различающиеся наличием / отсутствием перфективного префикса, образованные от парных по виду глаголов и сохранившие лексическую коррелятивность, обнаруживают следующие функциональные тенденции:

1) более востребованными в узусе являются беспрефиксные имена действия: они более частотны и аспектуально универсальны, что в общем можно объяснить отсутствием формальных аспектуальных маркеров;

2) некоторые пары имен действия сохраняют почти полную аспектуальную специфич-

* В Интернете нам встретился следующий любопытный пример употребления похожего префиксального девербатива с другим суффиксом в разговорной речи, еще раз доказывающий предпочтения носителей языка: *Доречі книжку бажано читати з папіроскою в зубах, а кидати лише по* ***прочитці*** (URL: http://aquaforum.lviv.ua/forum/archive/index.php/t-1964.html (дата обращения: 27.10.2015). – Кстати, книжку желательно читать с папироской в зубах, а бросать только после **прочитки.**

ность и демонстрируют близкую частотность употребления;

3) во всех парах наблюдается бо́льшая или меньшая степень влияния исходной аспектуальной семантики: даже в ситуации, когда один член пары является востребованным в речи, а второй – нет, количественное соотношение употреблений в определенном аспектуальном значении всегда в пользу вида мотивирующего глагола.

Если сравнить полученные данные украинского языка с данными польского и русского языков, то можно прийти к следующим выводам. Несмотря на то, что во всех этих славянских языках отглагольное имя действия занимает промежуточное положение между именем и глаголом, локализация их на воображаемой шкале «глагол → имя» различна: польское имя действия тяготеет к зоне глагола (и имеет соответствующий грамматический статус), русское имя действия – к зоне существительного и субстанциональной семантике, а украинское имя действия занимает на этой шкале срединное положение, «балансируя» на грани между именем и глаголом. Такое положение дел не позволяет безоговорочно отнести украинское имя действия к глагольной парадигме, но в то же время не дает возможности рассматривать его как обычное имя существительное, поскольку эта категория слов с большей или меньшей регулярностью проявляет в речи глагольные аспектуальные признаки.

Список литературы

1. Басова Г.Д., Качура А.В., Кихно А.В. и др. Сопоставительная грамматика русского и украинского языков. Киев: Наук. думка, 2003.
2. Вихованець І., Городенська К. Теоретична морфологія української мови: Академ. граматика укр. мови / под ред. І. Вихованця. Київ: Пульсари, 2004.
3. Гінзбург М.Д. Дієслівна категорія виду: практичні висновки для термінознавства з положень теоретичної морфології // Вісник: Проблеми української термінології. Львів: Національний університет «Львівська політехніка», 2006. № 559. С. 7–13.
4. Кириченко И.Н. Украинско-русский словарь. Киев: АН УССР, 1958. Т. 2.
5. Корпус текстів української мови / Лаб. комп'ютерної лінгвістики Інституту філології КНУ ім. Т. Шевченка. URL: http://www.mova.info/corpus.aspx?l1=209 (дата обращения: 08.11.2015).
6. Крымский А. О малорусскихъ отглагольныхъ существительныхъ на -еннє и -іннє // Окремий відбиток з «Юбилейного сб. в честь В.Ф. Миллера». М., 1900.
7. Курило О. Уваги до сучасної української літературної мови. Київ: Вид-во Соломії Павличко «Основи», 2004 (репринт. изд. 1925 р.).
8. Марван И. Статус українських дієслівних субстантивів і дієприкметників // Мовознавство. 1992. № 2. С. 3–7.
9. Наконечний М.Ф. Розмаїтість форм – багатство мови (про видові форми віддієслівних іменників в українській мові) // Мовознавство. 1967. № 2. С. 57–65.
10. Новий тлумачний словник української мови: у 3 т. / сост. В.В. Яременко, О.М. Сліпушко. Изд. 2-е, испр. Київ: Аконіт, 2003. Т. 2.
11. Пчелинцева Е.Э. Грамматический статус польского отглагольного имени действия и семантика делимитативности // Сибирский филологический журнал. Новосибирск: Ин-т филологии СО РАН, 2014. Вып. 2. С. 164–172.
12. Пчелинцева Е.Э. Аспектуальная характеристика отглагольных имен действия в русском, украинском и польском языках // Verbal Aspect: grammatical meaning and context. Die Welt der Slaven. Sammelbände Bd 56. Verlag Otto Sagner: München – Berlin – Washington/D.C – 2015. С. 389–402.
13. Пчелинцева Е.Э. Роль глагольных префиксов в формировании аспектуальной семантики русских отглагольных имен действия // Русский язык в школе. 2015. Вып. 2. С. 54–59.
14. Ращинская Г.Н. Отглагольные имена существительные на -ння, -ення (-іння), -ття в современном украинском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Львов, 1968.
15. Російсько-український словник: в 3 т. // ред. кол. І.К. Білодід та ін. Київ: Наук. думка, 1988. Т. 1.
16. Русановский В.М., Жовтобрюх М.А., Городенская Е.Г., Грищенко А.А. Украинская грамматика. Киев: Наук. думка, 1986.
17. Синявський О. Порадник української мови / проф. О. Синявський; пристосований для буденного вжитку д-ром В. Сімовичем. Харків; Берлін; Нью-Йорк: «Космос», 1922.
18. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.: АН СССР, 1948–1965.
19. Словник української мови: в 11 тт. АН УРСР. Институт мовознавства; под ред. І.К. Білодіда. Київ: Наук. думка, 1970–1980.
20. Українська мова: енциклопедія / ред-кол. Русанівський В.М., Тараненко О.О., Зяблюк М.П. и др. 2-е изд., испр. и доп. Київ: «Українська енциклопедія» ім. М.П. Бажана, 2004.
21. Uniwersalny słownik języka polskiego / pod red. S. Dubisza. PWN SA, wersja elektroniczna, 2004.

* * *

1. Basova G.D., Kachura A.V., Kihno A.V. i dr. Sopostavitel'naja grammatika russkogo i ukrainskogo jazykov. Kiev: Nauk. dumka, 2003.
2. Vihovanec' I., Gorodens'ka K. Teoretichna morfologija ukraïns'koï movi: Akadem. gramatika ukr. movi / pod red. I. Vihovancja. Kiïv: Pul'sari, 2004.

3. Ginzburg M.D. Diєslivna kategorija vidu: praktichni visnovki dlja terminoznavstva z polozhen' teoretichnoї morfologiї // Visnik: Problemi ukraїns'koї terminologiї. L'viv: Nacional'nij universitet «L'vivs'ka politehnika», 2006. № 559. S. 7–13.

4. Kirichenko I.N. Ukrainsko-russkij slovar'. Kiev: AN USSR, 1958. T. 2.

5. «Korpus tekstiv ukraїns'koї movi» / Lab. komp'-juternoї lingvistiki Institutu filologiї KNU im. T. Shevchenka. URL: http://www.mova.info/corpus.aspx?l1=209 (data obrashhenija: 08.11.2015).

6. Krymskij A. O malorusskih# otglagol'nyh# sushhestvitel'nyh# na -ennє i -innє // Okremij vidbitok z «Jubilejnogo sb. v chest' V.F. Millera». M., 1900.

7. Kurilo O. Uvagi do suchasnoї ukraїns'koї literaturnoї movi. Kiїv: Vid-vo Solomiї Pavlichko «Osnovi», 2004 (reprint izdanija 1925 r.).

8. Marvan I. Status ukraїns'kih diєslivnih substantiviv i diєprikmetnikiv // Movoznavstvo. 1992. № 2. S. 3–7.

9. Nakonechnij M.F. Rozmaїtist' form – bagatstvo movi (pro vidovi formi viddiєslivnih imennikiv v ukraїns'kij movi) // Movoznavstvo. 1967. № 2. S. 57–65.

10. Novij tlumachnij slovnik ukraїns'koї movi: u 3 t. / sost. V.V. Jaremenko, O.M. Slipushko. – Izd. 2-e, ispr. Kiїv: Akonit, 2003. T. 2.

11. Pchelinceva E.Je. Grammaticheskij status pol'skogo otglagol'nogo imeni dejstvija i semantika delimitativnosti // Sibirskij filologicheskij zhurnal. Novosibirsk: In-t filologii SO RAN, 2014. Vyp. 2. S. 164–172.

12. Pchelinceva E.Je. Aspektual'naja harakteristika otglagol'nyh imen dejstvija v russkom, ukrainskom i pol'skom jazykah // Verbal Aspect: grammatical meaning and context. Die Welt der Slaven. Sammelbände Bd 56. Verlag Otto Sagner: München – Berlin – Washington/D.C – 2015. S. 389–402.

13. Pchelinceva E.Je. Rol' glagol'nyh prefiksov v formirovanii aspektual'noj semantiki russkih otglagol'nyh imen dejstvija // Russkij jazyk v shkole. 2015. Vyp. 2. S. 54–59.

14. Rashhinskaja G.N. Otglagol'nye imena sushhestvitel'nye na -nnja, -ennja (-innja), -ttja v sovremennom ukrainskom jazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. L'vov, 1968.

15. Rosijs'ko-ukraїns'kij slovnik: v 3 t. // red. kol. I.K. Bilodid ta in. Kiїv: Nauk. dumka, 1988. T. 1.

16. Rusanovskij V.M., Zhovtobrjuh M.A., Gorodenskaja E.G., Grishhenko A.A. Ukrainskaja grammatika. Kiev: Nauk. dumka, 1986.

17. Sinjavs'kij O. Poradnik ukraїns'koї movi / prof. O. Sinjavs'kij; pristosovanij dlja budennogo vzhitku d-rom V. Simovichem. Harkiv; Berlin; N'ju-Jork: «Kosmos», 1922.

18. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka: v 17 t. M.: AN SSSR, 1948–1965.

19. Slovnik ukraїns'koї movi: v 11 tt. AN URSR. Institut movoznavstva; pod red. I.K. Bilodida. Kiїv: Nauk. dumka, 1970–1980.

20. Ukraїns'ka mova: enciklopedija / redkol. Rusanivs'kij V.M., Taranenko O.O., Zjabljuk M.P. i dr. 2-e izd., ispr. i dop. Kiїv: «Ukraїns'ka enciklopedija» im. M.P. Bazhana, 2004.

Grammar status and aspects of verbal nouns of action in the Ukrainian language (based on the Russian and Polish language)

There are considered the problematic issues of the grammar status of verbal nouns of action in the Ukrainian language at the background of the Russian and Polish languages; researched the level of keeping the aspectual signs of this category of words based on dictionaries and corps. There is stated that Ukrainian names of action regularly reveal the aspectual signs in speech, and the level of their preservation is higher than in Russian, but lower than in Polish.

Key words: *verbal noun of action, the Ukrainian language, aspectual semantics.*

(Статья поступила в редакцию 25.11.2015)

Ж.Н. САРАНГАЕВА
(Элиста)

ЭМБЛЕМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГОСТЕПРИИМСТВА В КАЛМЫЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Представлено эмблематичное осмысление лингвокультурного скрипта «гостеприимство» в коммуникативном поведении калмыков. Рассматриваются его языковые, дискурсивные и ритуальные знаки.

Ключевые слова: *эмблематичность, лингвокультурный скрипт, лингвокультура, коммуникативное поведение, калмыцкий этикет.*

Профессор В.И. Карасик определяет эмблему как «моментально идентифицируемый знак, который однозначно понимается и прочитывается представителями одной лингво-

© Сарангаева Ж.Н., 2015